

Лина Николаева

ФАЗА
БЫСТРОГО
СНА

Лина Николаева

Фаза быстрого сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69423850

SelfPub; 2024

Аннотация

«Да таких как вы в нашем мире уже не один десяток. Да, это давно стало отлаженным механизмом. Да, вы – наш ресурс, и это не изменится». Попавшим в другой мир людям пообещали многое, но правды в этом списке не было. Захотелось узнать её? Плати: моралью, принципами, здоровьем – а лучше всем сразу. Марк думал, что уплатил достаточно, однако вслед за разгадкой шел выбор: стать пленником или палачом. А ведь ему говорили, что монета не падает точно на ребро – всегда нужно делать выбор.

Содержание

Пролог	4
1. По долгам заставят платить	7
2. Выжжено войной	23
3. Не стоит брать из чужих рук	43

Лина Николаева

Фаза быстрого сна

Пролог

Прячься, когда звучат сирены. Это был единственный оставшийся закон.

Кристоге несмело отступил от окна. Куда бежать, что делать, он заучил раньше алфавита и цифр, однако ноги не слушались.

– Беги, ну, – шепнул себе мальчик, и все равно не вышел из спальни, не спустился по лестнице, не укрылся в подвале. Все, чему его учили, вытравил страх перед Ними: Они приходили снова и снова, оставляя после себя только пепел да пыль.

Когда Кристоге было семь, Они уничтожили Альту. Цветущие сады, которыми славился город, превратились в выжженную пустыню. Пришлось бежать.

Когда Кристоге было восемь, Они уничтожили Авилу. Ему нравилось гулять по улице с домами из стекла, но как они выглядели, он не запомнил – в памяти остались только тела, пронзенные осколками. И новый побег.

Когда Кристоге было девять, Они уничтожили Акиду. Это был город башен и куполов, которые рухнули, едва прогре-

мели взрывы, и оставили под завалами тысячи жителей. В поисках укрытия семья бежала дальше.

Отец говорил, что Аръент – последняя надежда. Если Их корабли снова поднимутся в воздух, никакая сила не защитит город от разрывающихся бомб, от пожаров, от падающих стен. Столица сдастся, и распоряжаться судьбой побежденных будут Они.

Звук сирены все нарастал. Закрыв уши руками, Кристоге выскочил из спальни и побежал вниз, перескакивая через несколько ступеней. В коридорах кричали, взрослые хватали детей, торопились укрыться в подвале. Все вокруг были такими же беглецами: из Альты, Авилы, Акиды и еще десятка городов и деревень, которые пришлось отдать Им.

Чья-то рука схватила мальчика за шиворот и отбросила так, что затылком он ударился о стену и упал ничком. Крик сирены сменился шумом в ушах, к горлу подступила тошнота. Кое-как поднявшись на четвереньки, Кристоге прополз пару метров и рванул вперед.

Оставалось пять ступеней – дверь начала закрываться. Не больше секунды он видел, сколько в подвале беглецов, как они жмутся друг к другу, видел страх в глазах – и отсутствие жалости к неуспевшим. Те молотили в дверь, царапали ее ногтями, кричали, но она была неприступна.

Мальчик выбрался из толпы и снова побежал. Нельзя оставаться здесь – упадут бомбы, а с ними начнутся пожары, и рухнут стены. Надо найти другое убежище. Хоть что-то!

Кристогe выскочил на улицу, пробежал сотню метров, упал на землю и пополз в канализационную трубу. Внизу он замер, притянув колени к груди, и принялся ждать.

Они пришли, чтобы уничтожить последний город. Но Их жизнь коротка, афеноры же умеют восставать из пепла.

1. По долгам заставят платить

В саду цвела мимоза, и ее медовый аромат напоминал, что, в общем-то, новый мир красив. Голоса из коридора – что за ограду не выпустят, не прекратят следить и так и будут покрикивать, чтобы собрать вместе, точно овец в стадо, не на убой отправляя, разве что.

– Спускайтесь!

Лаэм ходил по коридору тяжелым, заколачивающим шагом, в голосе звучала нарочитая грубость. Марк хорошо знал, что это притворство. Про себя он называл мужчину «надзирателем с улыбкой»: вечером, когда не оставалось начальников, Лаэм первым заводил разговор с живущими в доме, с удовольствием слушал их рассказы о другом мире и тайком менял сигареты и алкоголь на вещи, с которыми люди очутились здесь.

Первым выйдя из комнаты, Марк увидел на лестнице фигуру Зейна – «надзирателя со шрамом». И он, и Лаэм именovali себя стражами, но с учетом обстоятельств на надзирателей, все-таки, они походили больше.

– Лишь бы не новенькие, скоро дышать нечем будет, – буркнул Вадим, выходя следом.

Парень редко говорил дельные вещи, но сейчас Марк был согласен с ним. В доме жили уже двадцать человек, на них не хватало комнат, на кухню и в ванную выстраивались очереди

– каждую неделю появлялись новенькие, но расселения им не обещали.

– Да, – кротко откликнулся Андрей, неторопливым движением расправил складки на покрывале и вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Живущие в других комнатах не побеспокоились: двери стояли нараспашку, демонстрируя голые стены и одинаковые кровати – на этом убранство заканчивалось. Кое-где лежали рюкзаки, сумки, но большинство появились здесь с пустыми руками и не могли похвастаться ничем, кроме воспоминаний о том, что они оставили.

– Быстрее! – гаркнул Зейн.

Если Лаэма считали своим, то его начальника сторонились и, заслышав громкий приказ, люди засуетились. Наверное, жизнь здесь можно было назвать сносной, но недоверие так крепко въелось в головы, что в движениях, взглядах, голосах уже не осталось ни спокойствия, ни равнодушия.

Местные подобрали для жильцов верное слово – иномиры. У каждого начало истории совпадало: серые улицы вдруг сменялись окраиной незнакомого города, наполненного суетой, дымом и гомоном. Точно опытные гончие, полицейские ловили гостей уже в первые часы и сажали под стражу. Затем были медицинский осмотр, допрос – и дом, из которого не выбраться.

Наверное, местные проявили милость. Иномиров не казнили, не пытали, не заставляли работать. Да, по пятам сле-

довала стража, выйти за пределы сада людям не позволяли, а молчание и ожидание с каждым днем становились все тягостнее, но чужакам ведь сохранили жизнь. Некоторые говорили, это от растерянности, местные сами не знают, что делать с гостями, боятся, поэтому держат их взаперти. Марк считал, что нет ни милости, ни растерянности, и каждый проведенный здесь день будет записан на счет, а затем по долгам заставят заплатить.

Спустившиеся в гостиную люди столпились в одной части комнаты, Лаэм, Зейн и Трив – «надзиратель без голоса» – встали у стены напротив. Между ними находились полицейские в черных кителях. Двое были спокойны, во взглядах даже виделась толика ленцы, но третий держал руку на пояском чехле с револьвером и смотрел исподлобья, точно пытался понять, укусит ли пес, если к нему подойти.

На полу лежало тело в саване. Несколько женщин отвернулись. Одна направилась к выходу, но Зейн сделал едва заметный шаг, и она вернулась на свое место, потупив взгляд. Офицер приоткрыл саван. Голова лежащего, казалось, держится на одном соединении – от шеи осталось всего несколько лоскутов кожи, будто зверь вырвал из добычи хороший кусок.

Марк скрестил руки. Хотелось отвернуться, наморщить нос – от тела несло кровью, мясом, отбросами, но он продолжал смотреть.

Таких уже показывали: со рваными ранами, без рук, без

ног. Все они пытались бежать: одни, точно ошалелые дети, хотели мчаться навстречу приключениям, другие, как настоящие альтруисты, верили, что вот доберутся до властей, вот подарят миру прогресс, а третьи все грезили свободой, будто знали, что с ней делать. Сбежавшие возвращались всегда: их приносили в саване.

– Среди вас есть его родные или друзья? – сухо спросил полицейский.

Ответом были вздохи, несколько ругательств, одна молитва и почти двадцать отведенных взглядов, нервное постукивание ногой по полу, покашливание.

Возможно, за словами про друзей и родственников действительно крылись забота и уважение, но Марк слышал в них заученность, а принесенные тела выглядели как реквизит в спектакле, поставленный, чтобы донести до зрителей одну мысль: «Сидите смирно. Сидите. Смирно».

– Тогда уносите, – отдав команду своим, офицер кивнул стражам.

Зейн выступил вперед:

– Оставайтесь здесь, – процедил он. – Господин Тарна-Триаван сделает объявление, – страж снова привалился к стене, и под его строгими взглядами люди расселись по местам, ожидая названного.

По сравнению с жилыми комнатами гостиную можно было назвать роскошной: два дивана, несколько пейзажей на стенах, сервант с чайным сервизом за стеклом. Камин при-

давал ей уюта, а запах апельсинового масла напоминал о доме. Это Алена, одна из последних иномиров, недавно жгла аромапалочки, во время перехода оказавшиеся при ней.

Самые быстрые заняли места на диванах, остальные рассеялись на стульях. Сиденья хоть и были обиты тканью, она уже выцвела от времени, а кое-где ее проела моль, и разница между ними и остальной частью гостиной особенно бросалась в глаза.

Марк уселся с краю на последнем ряду. Воцарилась хорошо знакомая, напряженная тишина. Вопрос «Зачем?» не прозвучал, но ясно читался на обеспокоенных лицах.

От господина Тарны-Триавана не ждали хорошего. Он не приходил просто так – только когда кто-нибудь бежал, или очередной смельчак решал взбунтоваться и потребовать свободы. Последний раз он явился вместе с двумя сбежавшими: те были в саванах и с отметинами от когтей, он – в лощеном костюме и с часами на цепочке, куда постоянно смотрел, будто отмерял время, за которое должен быть сыгран спектакль.

Стражи и офицеры лебезили перед аристократом, а между делом Лаэм говорил, что двойная фамилия «Значит только то, что в душе дерьма в два раза больше».

Таких фактов, которые вроде могли что-то дать, а вместе никак не складывались, хватало. Лаэм, да и другие стражи, за исключением Зейна и Трива, нередко заговаривали и делились крохами информации, но это были именно что крохи, настоящих ответов иномирам не давали.

Королевство, где они оказались, называлось Ленгерном, город – Акидой, но что с того? От Лаэма Марк узнал про социальное расслоение и «Да будь ты хоть трижды умным, если у тебя не двойная фамилия, высоко ты не прыгнешь» – чем это поможет тем, кто сидит за забором? В одной из книг Марк вычитал про изобретение паровых двигателей триста лет назад – еще одна деталь, интересная, но далекая от того, что по-настоящему хотелось знать.

Потоптавшись, Андрей сел рядом. Парень крутил часы на запястье – он всегда так делал, когда нервничал, а нервничал он так часто, что с руки не сходил красноватый след. Андрей был одним из последних прибывших, на что указывали короткие царапины на щеках и подбородке. Через эти отметины проходил почти каждый мужчина, пока отвыкал от пены для бритья, станка с тремя лезвиями и регулярной горячей воды.

Стрелка часов на каминной полке отсчитала пятнадцать минут, прежде чем стремительным шагом вошел господин Тарна-Триаван. Все в нем выдавало принадлежность к аристократии: имя, Ангуард, не похожее на короткие и простые имена стражей и офицеров, вычурная манера речи, внешность. В отличие от троицы надзирателей, он был гладко выбрит, холеные руки говорили о том, что работать ими он не привык. Тарна-Триаван имел худощавое, даже утонченное, телосложение, но стоило ему взглянуть на высоких, жилистых Зейна, Лаэма и Трива, те разом сникли и даже стали

казаться меньше, как зайцы, прячущиеся от лисы.

Ангуард вышел на середину гостиной и остановился между сидящими на диванах и сидящими на стульях.

– Я рад, что все собрались здесь, – он развел руки в стороны подобно конферансье на арене цирка. – Должно быть, вы помните, что последние поводы для наших встреч не были радостными, но сегодня я пришел, чтобы сообщить важную новость.

Поравнявшись со столом, он мимоходом поправил стопку книг, превратив их в стройную линию. Сидящие внимательно следили за его движениями, не доверяя аристократу, но заинтересовавшись обещанной новостью.

– Я должен объявить, что настала пора перемен. Самые первые из вас оказались в нашем мире почти три месяца назад. Я могу быть честен: мы присматривались, ждали и, наконец, приняли решение. Если вы согласитесь соблюдать наши законы, вы получите место среди нас: образование, профессию и жилье.

Марк скрестил руки и пальцами правой принялся выбивать по телу мелодию – будь это настоящим звуком, прозвучало бы тревожно и с натягом. Мысли роились в голове, точно осы, которые жужжат и не прекращая жалят, зная, что не умрут после укуса.

К людям якобы присматривались: из наблюдателей в доме были только стражи, но они больше походили на сторожевых псов, а не на умных, хитрых оценщиков. С чужаками гово-

рили лишь в первый день, на допросе – спрашивали скучные факты: имя, возраст, профессию. Что это за «присматривались», если местные даже не попытались узнать, на что способны иномиры, где они могут пригодиться?

Им дали жилье, одежду, еду – и ничего не попросили взамен. Ни в альтруизм, ни в бескорыстие Марк не верил и не переставал спрашивать себя, чего ленгернийцы ждут, что они готовят? Беглецы с отметинами от клыков и когтей и разыгрываемые спектакли ясно дали понять, что не будет легко, не будет красиво и уж тем более не будет счастливо.

Да и что это вообще был за мир? Чужаки хватали обрывки информации, точно голодающие, которые и хлебной крошке рады. Ничего не объясняло, почему в этом мире говорят на том же языке, почему в книгах встречаются схожие имена, названия? Пусть их было немного – по пальцам одной руки пересчитать, все-таки Марк видел их, и эту часть пазла тоже не стоило терять из виду.

О будущем люди уже не раз говорили друг с другом, и сейчас они, вспомнив свои страхи, не спешили радоваться или благодарить – ответом Ангарду были тишина, хмурые взгляды, плотно сжатые губы. Всего один, приободрившись, подался вперед и воскликнул:

– А что за работа? Кем мы станем?

Вопрос точно стал спусковым крючком для Лидии, и прежде улыбчивая, спокойная женщина вскочила со своего места, яростно тряхнув кулаками:

– Да какая работа! У нас же там семьи! Дети! Как нам вернуться?

Андрей с такой силой крутил часы на руке, что замок раскрылся, и они упали на пол, но ковер приглушил удар. Марк чуть ли не с первого дня слышал, что их ему подарила жена, и сейчас он, наверное, вспоминал ее. Молчаливый Олег сверлил аристократа взглядом. Тоже вспоминал семью, двоих детей, а может, своих учеников в школе? Сидящая рядом с ним Алена сложила руки на груди и так вжалась в диван, словно хотела исчезнуть. У нее осталась больная мать. Своя история была у каждого воспоминания о близких, о любимом деле, даже об опостылевшей работе не прекращались, их бережно перебирали, изо дня в день лелея надежду вернуться домой. Марк бы соврал, сказав, что ему есть по кому скучать, но он мог понять этих людей, и на обещания Ангуарда хотелось ответить громким смешком.

Аристократ так медленно, почти карикатурно, поправил манжеты рубашки, чем напомнил бойца, закатывающего рукава перед дракой.

– Увы, я должен сказать, что нам неизвестен путь в ваш мир. Сейчас вы здесь, это нужно принять и шагнуть навстречу, чтобы найти свое место. Я попрошу не перебивать меня, – он сделал выразительную паузу. – и послушать, что я собираюсь сообщить вам.

Марк посмотрел на стражей. Выражение лица Трива казалось таким каменным, что его можно было принять за по-

смертную маску. Зейн хмурился еще сильнее, чем обычно, и почесывал свой шрам – за этим движением он всегда прятал особо пристальное внимание. Даже Лаэм прекратил улыбаться и держался непривычно серьезного вида. На интерес, что скажет Ангуард, это не походило – скорее, они были охотниками, которые поймали зверя и следили, чтобы он не взбрыкнул. Знали, что хочет рассказать Тарна-Триаван, и ждали угрозы со стороны людей?

– В первую очередь, – чинно начал мужчина. – я должен сообщить, что вы являетесь единственными в нашем мире людьми.

Марк еще плотнее скрестил руки, от нетерпения пальцы задвигались быстрее. Он заставлял себя не ждать хорошего и готовился к любой правде. Не сказать, что эти слова понастоящему удивили его, но обезоружить смогли.

– Мы же, – он указал на себя и медленно, будто с неохотой – на троицу стражей, – относимся к другим народам.

С дивана послышалось сухое:

– К каким?

Ангуард шагнул к говорящему. Рука легла на статуэтку ворона на каминной полке, еще более медленным, небрежным движением он смахнул с нее пылинку.

– Прошу вас, наберитесь терпения, – голос зазвучал настойчивее, но на лице застыла елеяная улыбка. – Дайте нам немного времени, и мы объяснимся. Вы уже знакомы с представителями двух народов, и, как видите, внешне различий

между нами и вами вовсе не много. Однако главное, о чем вы должны узнать – вы имеете способность к магии.

Ангуард выдержал паузу. В тишину пробрался вопрос Вадима:

– Чего?

Он сидел перед Марком, и тот видел, как подрагивают плечи парня, как он чуть ли не подскакивает на месте. В голосе разом прозвучали и радость, и надежда, как у ребенка, которому пообещали подарить на Новый год ту самую машинку, увиденную в витрине магазина.

Наверное, слова Ангуарда стали последней каплей, и вслед за вопросом Вадима раздался десяток фраз – недоверие, насмешки и одно высокомерное: «Ха!». В них осторожно закралась крошечная капля восторга. Вадиму вторил его сосед, и они, эти двое совсем молодых парней, так замахали руками, точно ждали, что с кончиков пальцев вот-вот сорвется огненный шар. Их голоса быстро утонули в общем рокоте: недоуменные люди не скупилась на вопросы, а некоторые не побоялись отсыпать ехидных шуточек, на что Ангуард ответил поджатыми губами и снова поправил стопку книг, хотя и без того они лежали корешок к корешку.

Марк медленно провел рукой по лицу. Свободным он пробыл не больше часа, и все, что ему запомнилось на улицах Акиды – крикливые голоса прохожих и шум автомобилей, оставляющих за собой густой, дымный след. Единой картины мира не сложилось, и домыслы о том, что ждет по

ту сторону забора, собирались в голове в длинные схемы, в которых мешались самые разные сюжеты. Готовясь ко всякому, хорошего Марк действительно не ждал, но это не отменяло того, что услышанное неприятно отозвалось внутри – оно напоминало проклятье или обманом навешенный долг.

На несколько секунд Ангуард возвел глаза к потолку и протяжно вздохнул. Посмотрев на сидящих на диванах, на стульях, он отчеканил:

– Всему. Свое. Время. Вы остаетесь чужаками, и мы рискуем, принимая вас. Мы не можем рассказать всего здесь и сейчас, но ответы будут – позже. Пока вам достаточно знать, что магия – сила, способная изменять материальный и нематериальный мир. Она многое дает, но это продавец с жестокими условиями, и отдавать придется тоже.

Голос аристократа звучал все громче, и только на последних словах впервые появилось ощущение, что он говорит правду. В детстве каждый, пожалуй, грезил магией, но выросли дети, изменилась и эта сила, из волшебства превратившись в «продавца с жестокими условиями», и что с людей сполна возьмут, Марк уже не сомневался.

Точно опомнившись, Ангуард поправил бархатный жилет, снова смахнул пылинку с птичьей статуэтки и продолжил, взяв еще более чинный тон:

– Я должен сказать, что опытных магов среди нас не так много, и чтобы повысить качество обучения и раскрыть ваш потенциал, мы разделим вас на группы и отправим в разные

города.

Большинство промолчали, нахмурившись еще сильнее, только некоторые спросили: «Куда?» или сразу возразили: «Мы не будем разделяться!» Ангуард улыбнулся, обратив на слова не больше внимания, чем на комариный писк, и перевел разговор на мелочи: сообщил о визите портного, назвал дату отъезда... Тарна-Триаван ушел, пообещав вернуться завтра – закрутилась машина, а людям только и оставалось, что держаться покрепче.

После ухода аристократа стражи разошлись по дому. Собравшись в круг, люди переглядывались – скорее, сверлили друг друга взглядами, но первым озвучить сомнения так никто и не решался.

– Это что, у нас начинается новая жизнь? – поднявшись с дивана и разминая спину, Руслан широко улыбнулся. Когда он нервничал, он всегда поднимался со своего места, ходил по комнате, и чем хуже ему было, тем шире становилась улыбка, тем быстрее он шагал.

– На правах беженцев, но будто мы хотели бежать, – Андрей пробурчал это так тихо, что расслышал только Марк и сидящий по другую руку Юрий.

Приободрившись, тот воскликнул:

– Нас будут учить и дадут работу – это звучит неплохо!

– Неплохо, правда? – не выдержав, Марк уставился на Юрия: – Это просто болтовня. Они содержали нас три месяца, ничего не прося – теперь еще и пристроят на хорошее

местечко?

– А что у нас просить? – с запалом начал Вадим. – Если они не знают, как нам вернуться, что им еще остается? Убить нас? Они пытаются договориться, вообще-то! И если мы владеем магией...

Вадим едва не захлебывался от восторга. В большом, упитанном теле пряталась душа ребенка, и он все чем-то грезил, так легко забыв, что в уравнении есть переменная: «Продавец с жестокими условиями» – и это неизвестная переменная.

– Да какая магия, у нас там семьи! – Лидия опять всплеснула руками, перевела взгляд на соседку, ища поддержки, но та только опустила плечи да отвернулась.

Вадим требовательно смотрел на Марка, ожидая ответа. Тот знал, что зря высказался – обычно он держал свои мысли при себе, не желая ни пугать, ни расстраивать других, ни, тем более, спорить, а давать надежду он не умел, да и сам был плохо знаком с ней. Однако все уже было сказано, и Марк честно ответил:

– Думаешь, здесь одни добряки и миротворцы, а сбежавших нам показывают, чтобы мы действительно попросились? У тебя уже, наверное, в голове «We are the champions»* играет – зря, нигде не помогают просто так, а за эту магию, ты сам слышал, придется платить.

Вадим помахал рукой перед носом:

– От кого пессимизмом так несет? Они ведь нам ничего

не должны, но предлагают шанс – надо брать.

– Марк прав, – буркнула Алена. Взгляды обратились к ней, отчего она передернула плечами, снова скрестила руки, но голос из тихого бурчания перешел на уверенные ноты: – Если дома нам ничего не давалось просто так, почему в этом мире должны быть другие законы? Здесь что-то замышляют, а мы для них – средство. Они даже не люди, мы ничего про них не знаем!

– Пока нужно соглашаться, чтобы узнать, средство мы или нам действительно дают шанс, и уже потом решать. И любым способом необходимо найти путь домой, – Олег, пожалуй, впервые за последние два дня подал голос, и после его веских слов на лицах сидящих осталось еще меньше надежды.

«Решать?» – этот вопрос Марк оставил при себе и направился к выходу из гостиной. Нет, все уже было решено и преподнесено в красивой коробке с красным бантом под видом милости, но и бант повязали плохо, и коробка оказалась мятой.

Уже на пороге Марк услышал вдохновенную речь Вадима: – Нам не сделали ничего плохого, мы должны послушать их и попытаться, магия – наш шанс, и если мы станем магами...

Марк вернулся в комнату, достал наушники, включил телефон с последним процентом заряда. Прислонился к стене, скрестив ноги, наугад ткнул в строчку в плейлисте.

Акустическая гитара, фортепиано и дополняющий их те-

нор. С прошлым музыканта Марк давно распрощался, а сейчас настал черед и для слушателя. Это явно была последняя песня, и она пополнила список того, чего не хватало здесь – рядом стояли спокойствие, свобода и правда.

Телефон выключился на строчке «I lost myself»**. Последняя песня оказалась символичной, но Radiohead вовсе не походили на хороший знак, как и все услышанное сегодня.

* Queen – We Are The Champions.

** Radiohead – Karma Police.

2. Выжжено войной

На следующий день вместе с Ангуардом пришел улыбочивый круглолицый мужчина, говорящий так, словно был добрым дядюшкой и нес подарок. Штерн, портной, по очереди принимал одного за другим и снимал мерки столько времени, как если бы собирался сшить каждому по целому гардеробу.

Одни пытались порадоваться и называли это честью. Вторые усмехались, неужели, здесь нет магазинов готовой одежды. И те и другие за своими словами прятали растерянность. Марк думал, что людей просто не хотят выводить раньше времени, и тоже был растерян.

– Добрый день, – он широко улыбнулся, заходя в комнату, где принимал портной.

И без того маленькое помещение из-за образцов тканей, сантиметровых лент, зеркала и манекена, наряженного в длинную рубаху, выглядело еще меньше. Штерн будто перенес все свое ателье, и все эти приготовления казались излишними – не стоящими того.

– Как мне к вам обращаться? – аккуратно начал Марк.

– Мое имя Штерн, молодой человек, – портной улыбнулся, берясь за ленту.

– А как же обращение «господин»?

Марк старательно вкладывал в голос дружелюбие и ис-

кренность. Выглядел мужчина простовато, смотрел по-доброму, и, казалось, разговорить его, получив еще несколько крох информации – задача простая.

– Что вы, куда мне до господина, я так высоко никогда не поднимусь, – портной махнул рукой.

– Почему?

– Вытяните руки, – измеряя длину от плеч до запястий, он рассказывал: – Господами становятся по праву рождения, а из нас немногие достойны этого обращения. Хотя когда нужно показать уважительное отношение, можно сказать и так.

По поводу рас, населяющих мир, Ангуард так и не дал ответов, раз за разом твердя свое: «Наберитесь терпения». Стражи хранили такое же молчание, да и все они, даже Ла-эм, после сообщения об отъезде начали избегать разговоров, поэтому сейчас Марк сразу, точно охотничий пес, уцепился за услышанное.

– Из нас?

– Повернитесь, – скомандовал Штерн и приложил сантиметровую ленту к спине. – Из нас, из эйлов, – он понизил голос. – Вы все узнаете, когда узнаете.

Вот это мудрость! Встав к портному спиной, Марк сохранил улыбку на лице, хоть ответ и покачнул чашу терпения.

– Что бы вы хотели сшить?

– Не знаю, расскажите, что здесь носят?

– О! – продолжая снимать метки, Штерн с удовольствием начал: – У каждого города своя специализация, поэтому и

мода у них разная. Крестьяне, конечно, одеваются одинаково, но вам это не нужно. А горожане отличаются, да. Увидите, так не поверите, что все это один народ. Центр армии и гвардии здесь, в Акиде, поэтому в городе даже верхняя одежда напоминает мундиры. И у женщин! Не люблю я шить для акидийцев, да и вам такой крой не пойдет. В Авиле, – слышались нотки пренебрежения. – Одеваются слишком пестро. Авилла называет себя открытой каждому из народов, поэтому там и моды нет – все перемешалось, никакого стиля!

Марк ловил каждое слово. Если Акида – центр армии и гвардии, можно предположить, что в городе строгие порядки, усиленная охрана и низкий уровень преступности. Что же, происходящее со сбежавшими не было ни случайностью, ни совпадением? И что это за притесняемые народы, которые принимают только в Авиле?

– Мне по душе Альта, – продолжал Штерн. – Это наша столица наук и искусств, как тонко там чувствуют! Но и какие все капризные! Самые сложные заказчики, скажу я вам, однако я люблю с ними работать – они единственные ценят красоту по-настоящему. Это точно! Еще мне нравится работать с жителями Аръента. Хотя это королевский город, там и своих портных хватает – ко мне обращаются редко. А жаль, понимаете, столичные ведь хорошо платят. Но это и к лучшему, может. Сложно им угодить, а мода меняется так быстро, что я не успеваю за ней. Например, в январе женщины носили короткие рукава, а в следующем месяце им захоте-

лось длинных, да таких, чтобы до самых кончиков пальцев доходили, еще и широких. Ну что это?

Марк кивал в такт словам Штерна, но нового в его рассказе больше не было.

– Я думаю, вам нужно что-то в духе альтийцев! Черная рубашка и черный жилет подойдут темным волосам и строгим чертам лица. Хотя нет, необходимо их смягчить, точно! Рубашка должна быть светлая. Добавим в области талии несколько лишних сантиметров, чтобы скрыть худобу. И походный костюм, конечно, еще нужен!

– А что носят в других городах?

Штерн тяжело вздохнул – даже, скорее, простонал:

– Нет больше других городов. Все выжжено войной.

Марк попытался узнать больше, но Штерн, испуганно поглядывая на дверь, уже не говорил ни о чем, кроме удачного края и модных цветов.

Переодевшись, Вадим развел руки в стороны, демонстрируя расшитую звездами мантию. Черный цвет придавал лицу болезненное, скорбное выражение, хотя свободный край и прямые линии одеяния сделали его выше и стройнее.

– Ну как? – не без гордости спросил парень. – Этот портной все отнекивался, но я подумал, что надо сразу показать, что мы маги.

– Здорово, – Андрей прикрыл рот рукой, пряча улыбку.

Марк только покачал головой и снова уткнулся взглядом

в страницу. Оставались последние строки, а книги, пожалуй, были единственным, что ему нравилось в этом доме. Все остальное так приелось, что доводило до зубного скрежета, и пусть после отъезда жизнь не обещала стать лучше, хотелось поскорее сбежать.

– Что? – протянул Вадим насупившись.

– Жаль, что я сам не додумался до такого... – Андрей уже с трудом сдерживал смех. – Образа.

– Мы станем магами, надо соответствующе выглядеть, – буркнул Вадим и замолчал, когда Марк засобирался.

– Уже пора? – удивился Андрей, смотря на часы.

Двенадцати еще не было, до отъезда оставалось время, но и слушать набившие оскомину пререкания не хотелось.

– Я побуду на улице, – ответил Марк, подхватывая котомку, выданную вместе со сшитой портным одеждой.

Он раскрыл ее, чтобы проверить собранные вещи, затем посмотрел на то, что оставлял на тумбе: паспорт, зарядку, книгу, какие-то исписанные бумажки, унесенные с работы – кому все это нужно теперь?

Марк открыл паспорт. Мать, наверное, засуетилась и занервничала только потому, что матерям положено переживать за своих детей, этого ждали от нее. Отчим бы пожал плечами и поворчал, что пасынок специально отключил телефон и уехал, никого не предупредив, потому что «характер у него паршивый».

Следом Марк раскрыл книгу. Он взял ее у коллеги «до

выходных», как обещал. Пожалуй, первыми забили тревогу на работе, да и то, скорее, из-за прогулов, а не от настоящего переживания. Оставшись наедине с собой на два месяца, Марк понял, что с той же вероятностью о нем мог никто не вспомнить – он сторонился людей, точно заразных, хотя знал, что «зараза» на самом деле сидит в нем, а он с ней просто не сумел справиться.

Поняв, что разглядывание затягивается, Марк быстрым движением закрыл книгу и вышел, успев заметить, как Вадим садится на кровать и бережно поправляет складки мантии.

Едва закрылась дверь, послышался голос Андрея:

– Жаль его.

– Да, такой молодой, а ворчит хуже моей слепой бабки, – откликнулся Вадим.

– Я про другое. Он многих оставил дома, вот и сторонится всех.

– А кто не оставил, но что теперь? Слушай, мы станем магами, что еще нужно?

Марк зашагал по коридору. Он спускался в гостиную во время общих сборов, но предпочитал молчать и наблюдать. Имея слишком много свободного времени, про таких вот «молчунов» жильцы фантазировали, поэтому по дому постоянно ползали слухи – обычно более грязные, отчего слова про «многих оставил» даже умиляли. В этом был весь Андрей.

В гостиной сделалось шумно, горели все лампы, на столе стояла оставшаяся со вчерашнего вечера бутылка вина. Слова прощания не стихали с того же времени. Люди так быстро сошлись, ухватившись друг за друга, как за спасательные плоты, и многие сейчас не разжимали соединенных рук или не переставали обниматься.

Марк потоптался в комнате и вышел, забрав дорожный плащ. Прощаться не хотелось, да и не ждали этого от него, но смутное беспокойство все равно заставило дважды обернуться, пока он шел по коридору. Если интуиция и существовала, то сейчас она роптала и щерилась иглами.

Входные двери стояли нараспашку, словно спеша избавиться от непрошенных гостей. Давно сошел снег, солнце всю пригревало, и уже робко показалась первая трава, а мозаика не прекращала цвести, и день и ночь наполняя ароматом меда. Март здесь был ласковым и обещал скорое лето.

В сад привели лошадей. Первая пятерка людей ранним утром выехала в столичный Арьент. Следующая в полдень уезжала в прибрежную Альту. Третью направляли в Авилу, названную житницей Ленгерна, а четвертую оставляли в Акиде, но в ее число вошли те, кто постарше.

Сопровождающих набрали из числа стражей, по двое на каждую группу. Это вызывало не меньше сомнений: они казались простой домашней охраной – боровами с грубой силой, но без особого ума или ловкости. Или не так уж эта охрана была проста?

Со второй пятеркой отправлялись Лаэм и Зейн, и Марк подошел к ним, пока они крепили седельные сумки:

– А кроме лошадей у вас есть что-нибудь? На чем вы обычно передвигаетесь? – он остановился от животных на почтительном расстоянии.

– У нас есть паромобили, – ответил Лаэм, с улыбкой щурясь на солнце – ну точно сытый кот, развалившийся на подоконнике.

Марк кивнул. Что-то подобное было ожидаемо: и по прочитанному, и по увиденному. В домах работала канализация, полицейские носили при себе револьверы, с улицы слышались звуки, похожие на скрип шин и гудение клаксонов, а из-за ворот виднелись трубы фабрик, хоть и не слишком много.

– Однако это больше для богачей, – продолжил страж, презрительно фыркая. – Между Акидой и Альтой проходит железная дорога, летают дирижабли, но... В общем, как решились, так и лучше. Что, боишься лошадей? – он ухмыльнулся, взглядом измерив расстояние, на котором остановился Марк.

Тот признался:

– Я любил конные походы, пока лошадь не выкинула меня из седла так, что я сломал руку. Больше не тянет ездить верхом.

Дело было не столько в страхе, сколько в воспоминаниях. Все детство Марк занимался музыкой и хотел связать с этим жизнь, однако сломанная рука перечеркнула мечту, и пусть

после неудачи прошло достаточно времени, воспоминание до сих пор вызывали горечь.

Лаэм хохотнул:

– Зейн, покажи своего малыша.

Ехидно улыбаясь, начальник стражи снял с пояса свисток и подул в него. Прошло не больше пятнадцати секунд, как через двухметровую стену перепрыгнула черная псина размером с лошадь. Марк отшатнулся, но зверь подошел к Зейну и склонил перед ним голову, точно в поклоне. Стало ясно, что это не собака. Телосложением он действительно напоминал борзую, однако тело оказалось более вытянутым и с осиной талией, морда – шире и длиннее, в ней угадывалось что-то лисье. Короткая шерсть была не черной, а серой, как припорошенной пылью.

– Что, мой красавец больше нравится?

Зейн потрепал животное по гриве, и впервые на лице мужчины появилась добродушная улыбка. «Красавец» оскалился, по-собачьи вывалив язык.

– Лошади так лошади. Кто это? Не похоже на ездовое животное.

– Орторы. Гордость Акиды, таких больше нигде не выращивают. Выглядят хрупкими, но это обман. Мы их и для езды, и для боя используем.

Марк насторожился. Речь шла про «собачьи» бои или настоящие сражения? Если вспомнить слова Штерна про города, выжженные войной...

Лаэм свойски улыбнулся:

– Вы еще удивитесь, сколько всего есть в этом мире.

«Всего поменьше бы», – Марк не ответил и подошел к буланой лошади, которая выглядела спокойнее остальных.

Вся жизнь превратилась в сплошной тракт. Четыре дня пути до Альты стали семью, и каждый из них люди начинали с проклятий, а продолжали ругательствами и бранью.

Не хватало примерно всего: сил, сна, отдыха, тепла, еды, ванны. Вместо этого были спальные мешки, которые они стелили рядом с костром, пытаясь согреться, но это не получалось. Ночные дежурства, чтобы поддерживать огонь. Котелки, где готовили похлебку с кусками жира. Иногда в ней попадались шерстинки, оставшиеся с плохо освежеванной кроличьей или птичьей тушки. И мытье в реках, которые вопреки недавним мыслям насчет погоды оказались по-мартовски холодными.

Мерный цокот копыт соответствовал ритмичности вопроса, бившегося в голове: «Что? Что? Что?..» Зейн больше ворчал, Лаэм рассказывал ерунду вроде: «Эти земли зовутся Клыками из-за острых скал» или «Исполняется двести девяносто пять лет со дня возрождения Альты». Но что с магией? Что с расами? Что с законами? Что с войной? Ответов не было, хотя в течение первых дней у людей еще оставались силы спрашивать, а потом недоверие улеглось, уступив место нескончаемой усталости, и только изредка, уже под вечер,

оно еще поднимало иглы да кололо, веля снова спросить.

Бешеный темп путники сбросили, когда впереди показали город. Альту обступали поля, и на них трудились тысячи мужчин и женщин, готовящих землю к посеву. Марк старательно вглядывался в крестьян, во встречные повозки и телеги, но взгляд ни за что не цеплялся – это были обычные люди, ведущие обычный быт. Проезжая деревни, путники встречали бревенчатые избы, запахи земли, зелени и навоза, домашнюю живность, греющихся на солнце стариков, чумазых детей, работающих в садах или на огородах женщин, мужчин, занятых ремонтом, домашними делами или торговлей.

Дорога ширилась и становилась все более людной. Альту окружали две крепостные стены, и едва едущие преодолели первую, сделалось спокойнее – путники сворачивали на мелкие дороги и расходились по деревням, не спеша в город.

Чем ближе становились основные ворота, тем четче вырисовывалась Альта и ее высокие шпили, башни, трубы фабрик. В воздухе чувствовались дымный и смоляной запахи, к ним примешивалась соль, принесенная ветром с моря.

Оставалось не так много, когда Марк заметил, что путники расходятся по двум очередям: в одну вставали пешие и едущие на телегах и повозках, во вторую – конные. Обе стороны замедлялись, когда проходили мимо стражей, но никого не останавливали и даже не осматривали.

Стража носила строгую черную форму, похожую на кители полицейских Акиды, но на головах у них были капю-

шоны. Через пару десятков метров стало ясно, что это не часть одежды, у стражей тела людей, но вместо голов – то ли волчьи, то ли песьи морды. Они скалились и вглядывались в каждого так, словно видели перед собой добычу, не больше.

Алена выдохнула:

– Господи...

– Кто это? – побледневший Андрей крепко вцепился в поводья.

Лаэм с улыбкой отмахнулся:

– Они хорошие, не переживайте,

Возглавляющий колонну Зейн обернулся:

– Все в порядке. Это один из наших народов. На-ри. Подождите, мы почти на месте.

Они приехали еще немного, и от того, как вглядывались эти на-ри в путников, делалось не по себе. Входящие в город сторонились стражей, прижимали руки, отворачивались.

– Я не поеду! – Олег остановил лошадь.

Говорил он немного, но к нему прислушивались. Может, дело было в серьезном, «профессорском» образе, а может, в особом тоне, который освоил Олег за годы работы учителем. После этих слов Алена придержала лошадь, Андрей с облегчением вздохнул. Вадим, с лица которого даже тяжелая дорога не стерла предвкушения, тоже вздохнул – разочарованно. Марк встал рядом с ними, но больше из необходимости, а не от нежелания идти. В пререканиях посреди улицы смысла точно не было, до города оставалось немного, и с пу-

тешеством хотелось покончить как можно скорее.

Зейн развернул к людям своего ортора. Зверь нетерпеливо рыл землю лапой и что-то рычал на своем орторье.

– Не бойтесь, они просто посмотрят.

– Что это значит? – воскликнула Алена, глядя на Лаэма. Она попыталась скрестить руки, но, покачнувшись, снова ухватилась за поводья.

Вроде бы страж заглядывался на девушку, однако сейчас взгляд голубых глаз и красивая улыбка не проняли его, и он смолчал.

– Мы должны ехать, чтобы успеть до заката. Вам все расскажут на месте.

– Мы это уже слышали, – Олег снял очки и убрал в нагрудный карман. – Не раз и даже не два. Кто эти существа? Кто вы сами?

По лицам собравшихся было видно, что терпение лопнуло, и они, действительно, не поедут. Марк хотел поддержать стражей, лишь бы идти дальше и не стоять посреди дороги под взглядами других путников, но смолчал, решив, что вставать на сторону тех, кто скоро уедет, не стоит – нужно согласиться с теми, с кем он остается.

Ударив лошадь пятками, он направил ее к Зейну. Та была выше ортора, но все равно забеспокоилась, и удерживать ее на месте стоило труда.

– Нам обещали ответы, сколько еще раз мы должны услышать: «Подождите», прежде чем получим их? – рявкнул

Марк.

Каждое слово звучало громче предыдущего и все более хлестко, но под конец голос сорвался. Музыкальное прошлое научило прекрасно владеть им, и Марк знал, как вложить верную тональность и интонацию. Ничего не выдавало, что это спектакль, в котором даже не хочется участвовать – просто усталый человек, столь растерянный, что страх превратился в ярость.

– Я не поеду в город, пока вы не расскажете, кто вы! – Алена высоко подняла плечи и упрямо задрала подбородок, но по взгляду было ясно, что надолго ее решимости не хватит.

– Будем стоять посреди дороги и пререкаться? Я же сказал, вам все объяснят на месте. Наша работа – сопроводить вас, и с этим мы почти закончили, – Зейн хмурился.

Растеряв всю свою радость и нетерпеливость, Вадим потребовал:

– Мы и так едем дальше, чем планировали, нам нужен отдых! Нормальная еда, из чистой посуды! Там, – парень ткнул пальцем в сторону ровных белых домиков, вплотную подступающих к Альте. – явно найдется где посидеть, поговорить и поесть. Давайте!

– Хорошо, – процедил Зейн, помедлив с ответом. – Немного времени у нас есть, – он двинул ортора вперед.

«Осталось всего ничего», – с раздражением подумал Марк. Он полагал, после его требования стражи бросят па-

ру хлестких слов, может быть, даже угрозу, люди замолчат и поедут дальше. Согласия он не ждал, оно казалось нелепым – молчать неделю, но согласиться на разговор перед самым городом? А если это было сделано специально? Но и такой расклад казался бессмысленным.

Процессия двинулась в указанную сторону. Деревня явно считалась зажиточной: дома – в два этажа, каменные, рядом – цветники, улицы – мощеные. Здесь не пахло подгнившими овощами, навозом и дешевым алкоголем, во дворах не сушилось белье, не было ни детей-оборванцев с палками вместо игрушек, ни пьяниц, смотрящих по сторонам мутными взглядами.

Таверна встретила запахами картофеля, свинины и чеснока. Марк удивился шуму: звучало столько голосов, словно внизу собралось не меньше ста человек – слишком много для такого маленького помещения. Крики, похабные шутки, стук пивных кружек, царапанье ложек по тарелкам – все сплелось в единый клубок.

Сквозь толпу пробилась официантка – раскрасневшаяся девушка, которая судя по виду зарабатывала обслуживанием не только столиков.

– У нас нет мест! – она уперла руки в бока и кивком головы указала на выход.

Фыркнув, Зейн вытащил из-под плаща бумагу и почти что ткнул ее в лицо официантке.

– Подписано королевой. Вы не имеете права чинить нам

препятствия, а мы для отдыха выбрали это место, ясно?

Едва посмотрев, девушка тут же залебезила:

– Да, господин, подождите, прошу.

Она юркнула в сторону и вернулась через несколько минут. Склоняя голову перед Зейном, а между делом успев заискивающе коснуться его руки, девушка провела гостей за стол, огороженный ширмами.

Пока выбирали, сидящие расслабились и вздохнули свободнее. Смолкли встревоженные голоса, путники развалились на стульях, а Андрей успел задремать, уложив голову на свернутый плащ. Супы и жаркое были встречены улыбками и нетерпеливо протянутыми руками. Тарелки – не походные миски, от которых уже не отмывается жир! – поставили на стол с приятным звоном, звучавшим лучше любой сонаты. Переваренного лука в супе оказалось больше, чем мяса, а в жаркое чеснока и перца добавили слишком щедро, но было прекрасно просто сидеть в тепле, на стуле, с нормальной едой. Однако чем меньше оставалось от порции, тем реже появлялись улыбки, тем напряженнее становилось молчание.

Откинувшись на спинку стула и сложив руки на животе, Вадим спросил:

– Демоны-собачки уже были, а божечки-кошечки у вас есть?

Олег одарил парня недовольным взглядом, как ученика, расшумевшегося на уроке – вот-вот попросит дневник или

вызовет к доске.

– Что? – Зейн уставился на Вадима, но тот только отмахнулся и нетерпеливо закивал, требуя рассказа. Между начальником стражи и Лаэмом разгорелся молчаливый спор, состоящий из нахмуривания бровей и кивков.

– Начинай, – Зейн хлопнул напарника по плечу. Тот сделал глоток пива – такой большой и затянувшийся, что нежелание говорить стало понятно еще на трети.

– Ну, в общем, – с шумом он поставил кружку на стол. – Мы зовемся эйлами, – страж махнул в сторону других посетителей. – Нас много, мы основная часть. Еще есть афеноры. Это наша аристократия. Ублюдки белокожие, – натолкнувшись на хмурый взгляд Зейна, Лаэм ухмыльнулся: – Ну правда же! А есть всякие... Мы их зовем лес – это те, кто не похож на нас, и имеет что-то от животных или растений. Вот как те у ворот. Это не одна раса, таких много. Сурреи, на-ри, неры – те, кто живут с нами, но их больше, не у всех даже название есть.

– Очень интересно и очень непонятно, – Вадим ткнул локтем Андрея, когда после бесчисленных зевков тот опять свесил голову на грудь.

Лаэм хотел ответить, но Зейн прервал его взмахом руки.

– Так. Вам стоит запомнить, что у каждого народа своя способность. Говорят, афеноры произошли от фениксов, поэтому они долго живут и проживают несколько жизней. Все господа – афеноры. Мы, эйлы, видим духов и можем гово-

рить с ними, но чтобы развить дар, нужно учиться. Аристократов среди нас действительно немного, чаще всего эйлы – крестьяне или рабочие. У леса разные способности. Сурреи, например, превращаются в зверей, но они... Об этом позже. Сурреи обычно служат в армии, охране или тюрьме. На-ри, которых вы видели у ворот, стражи, судьи и мудрецы. Они видят души. Поэтому-то их ставят на городские стены – им взгляда достаточно, чтобы найти самых гнилых. Когда мы будем проходить, они посмотрят на ваши души, но не обращайтесь внимания, им нужно больше времени для настоящего суда, первый взгляд только сброд помогает отвести.

Люди переглядывались, они не перебивали говорящих и продолжили молчать, даже когда те закончили. Вопросов, наоборот, в голове роилось слишком много, и превратить их в стройную схему никак не получалось.

Марк спросил первым:

– Все эти способности – так проявляется магия? Какой из народов владеет ею?

– Каждый, можно сказать, – Зейн потер кончик носа. – Вы узнаете о магии от господина Криансы-Антервена.

– Афенора, значит? – уточнил Олег. – Кто это?

Зейн кивнул:

– Да, верно, господин Кристоге Крианса-Антервен – афенор, один из старейших во всем Ленгерне.

– Он и войну пережил, – Лаэм говорил с искренним уважением – Лаэм, который только что называл афеноров «бе-

локожими ублюдками». Чем этот аристократ был лучше?

– Господин Крианса-Антервен – королевский советник, маг, врач, изобретатель, передельщик и почетный житель Альты. Он проведет испытание, как это называют, и поможет раскрыть вашу магию.

В уважительном тоне Зейн вторил Лаэму, отчего светлый образ аристократа показался еще менее правдоподобным, и особенно отталкивало слово «передельщик».

Алена тоже обратила внимание на сказанное:

– Передельщик? Как это?

– Рука правосудия, – голос Зейна приобрел возвышенный тон, так неподходящий его суровому образу.

Они просидели в таверне еще минут десять и вернулись к лошадям. Услышанное не сильно успокаивало, но больше никто не отказывался пройти мимо на-ри.

От их взглядов хотелось укрыться, как и другие, Марк инстинктивно поднял руки, закрываясь. Казалось, за секунду на-ри распотрошили ему грудь, вынули сердце с легкими, взвесили и наспех зашили – стоило отойти от них, осталось гадливое чувство, будто он сделал что-то ужасное и теперь мучится совестью.

Однако Альте удалось прогнать это ощущение и захватить все внимание. В городе сильно шумели ветра, доносились звуки гудящих моторов и скрип деревянных колес, а горожане ворчливо обсуждали прожитый день, смеялись шуткам, вспоминали домашние дела. Марк ожидал тесных улиц, гря-

зи, запаха канализации – Альта оказалась прекрасна. Она была изящная и острая, и шпили, колоннады и башенки на фоне василькового неба выглядели вырезанными из темной бумаги.

Город опутывали тонкие серые нити рек и каналов, и между ними всюду, куда хватало глаз, была зелень: дубы, липы, осины, клены, цветочные композиции, даже стены опутывал вьюн, но он не выглядел сорняком, а удачно дополнял вид. Альта цепляла внимание яркими витражами, мозаичными площадями и часами – сколько же их здесь было! – и каждые показывали свое время, различающееся не минутами, а часами. Запах соли чувствовался так явственно, что она оседала на губах, а сильнее этого оказались ароматы зелени. К ним примешивались дым, копоть и машинное масло, усиливающиеся, когда проезжали паромобили и трамваи.

Знакомство с городом прошло хорошо, но этого было мало. Впереди ждала встреча с Кристоге Криансой-Антервеном. Такое имя не могло принадлежать добряку, а обещанное испытание навевало мысли о борьбе за выживание.

3. Не стоит брать из чужих рук

Вечер прошел в суете. Путников привели ко двору Кристоге и устроили, но сам афенор пока не вышел из тени.

Кем бы Крианса-Антервен ни был, жил он явно на широкую ногу. Даже дом губернатора, на который указал Лаэм, выглядел скромнее, и это казалось явным знаком того, кто правит городом на самом деле.

Афенору принадлежал огромный дом – настоящий дворец, окруженный садом с парадными лестницами, фонтанами и аллеями. Их накрывал купол, температура в котором была приближена к летней, и деревья уже понесли плоды, наполнив воздух сладким ароматом персиков и груш.

После семи дней дороги находиться в доме было особенно приятно, и особняк казался кусочком рая. Сначала Марк спрашивал себя: за что этот рай воздался людям – но все вокруг было до того спокойным и мирным, что недоверие, выросшее подобно раковой опухоли, понемногу рассасывалось и уменьшалось.

Слуги проводили до спальни, наполнили ванну, принесли ужин. Со вздохом облегчения сняв пропитавшиеся грязью и потом плащ, штаны и рубашку, Марк отдал их для стирки, принял ванну и уснул.

На следующий день, прикрываясь словами: «Вам стоит отдохнуть», слуги всячески возвращали людей в комнаты,

хоть и не говоря напрямую, что ходить по дому запрещено. Им не позволили выйти в сад. Строем проводили в столовую на завтрак и обед. Не дали собраться вместе и поговорить. Купол, казалось, накрывает не только дом – им накрыли и людей, а крышку приподняли лишь перед встречей с господином Криансой-Антервенем. Или, наоборот, прижали сильнее?

Их одновременно привели в столовую – квадратную комнату с окнами до пола, выходящими в сад. Целую стену занимали тропические цветы в кадках, упрямо тянущиеся к потолку. Их запах был так силен, что перебивал ароматы блюд: мяса, приправ, свежих и тушеных овощей. Среди растений прятался граммофон, и по столовой разносилась тонкая, прозрачная мелодия, похожая на колыбельную. Наверное, она должна была успокаивать, но вопреки этому недоверие снова вцепилось во внутренности клыками, стоило увидеть Кристоге Криансу-Антервена.

Граница возраста стерлась с его лица – ему можно было дать и тридцать, и сорок, и даже сорок пять. Кожа оставалась гладкой, но волосы уже поседели. Это был мягкий оттенок, близкий к белому, и столь же светлыми у него оказались глаза. Фигурой Кристоге напоминал Ангуарда: тот же высокий рост, то же стройное телосложение – такими были все афеноры? Одевался Крианса-Антервен сдержанно и элегантно, как настоящий аристократ: кипенно-белая рубашка, жилет в тон, черные брюки со стрелками, сюртук с аккуратной се-

ребряной вышивкой на манжетах. Он напоминал мелодию, сыгранную профессионалом уже в сотый, в тысячный раз – это была идеальная, безупречная музыка, но жизни в ней совсем не осталось.

– Я рад приветствовать вас в своем доме, в Альте и в нашем мире, – Кристоге поднялся. У него был приятный баритон, который многим, наверняка, нравилось слушать и хотелось внимать ему.

– Давайте перейдем к делу, мы достаточно ждали, – бурча Олег опустился за стол, выбрав место подальше от хозяйина дома. Весь вчерашний вечер и сегодняшний день тень не сходила с его лица, и было ясно – он цепляется уже за последние ниточки, чтобы не выругаться, не вскричать.

Скрещивая руки все плотнее, будто пытаясь завернуться в них, Алена села рядом с Олегом, заняв только край бархатного стула. Сияющий улыбкой Вадим опустился по правую руку от Кристоге и уставился на него с широко открытыми глазами, как ребенок – на отца, которого не видел неделями. Андрей, накручивая часы, сел за ним. Марк шел последним, и ему осталось место слева от Кристоге – единственному на своей стороне.

– Поверьте, у меня к вам не меньше вопросов, и я точно также хочу этого разговора, – Крианса-Антервен дал знак рукой, и слуги наполнили бокалы вином. – Я знаю, вы беспокоитесь о своей судьбе, – Кристоге не убирал с лица сдержанной улыбки. – Прежде всего, я должен сказать: мы ниче-

го не знаем о других мирах, у нас нет способа вернуть вас, и все, что мы можем – сделать вас частью нашего общества.

– Нет способа? – обреченно повторил Андрей и посмотрел на Марка – искал поддержки у того, кто, как и он, «многих оставил»? Тот предпочел промолчать, наблюдая за движениями хозяина дома и вслушиваясь в выбранный им тон.

Вадим воскликнул:

– Когда мы начнем изучать магию? Чтобы нам хоть что-то рассказали, пришлось увидеть волчьеголовых тварей!

– Это на-ри, да, они могут напугать, но бояться стоит не их, – Кристоге продолжал улыбаться, движения были уверенны и отточены, как у мастера, великолепно знающего свою работу, но что-то в его облике настораживало все больше – так охотничьи псы ловят след даже на голых камнях.

– А кого тогда? – спросил Марк.

– Скажем так, у нас недружелюбные соседи. Однако вы под нашей защитой и станете гражданами Ленгерна, если сделаете ответный шаг.

– Вы про магию? – Алена тоже держалась настороже и все скрещивала руки, даже не притронувшись к еде.

– Да. Я понимаю вашу растерянность, но и вы поймите нас. Мы не можем рассказать всего, не узнав вас, не проверив – в конце концов, говорить нужно слишком о многом. Время требуется всем.

Несколько минут звучали только вилки, ножи и ложки. Края тарелки сделались нечеткими и зарябили, будто камень

бросили в воду, и от него пошли круги – видение длилось не больше пяти секунд. Марк потерял глаза.

Он нарушил молчание первым:

– Наша магия, если она есть, станет платой за гражданство в Ленгерне?

– Почему вы нас не отпустите? Почему мы не можем просто жить и делать, что умеем? – Олег вонзил вилку в нежнейшего кролика на тарелке.

– Не можете? – удивление Кристоге казалось искренним. – Сейчас вы ничего не знаете о нас и вряд ли найдете себе место, но это не значит, что мы будем держать вас всегда. Мы хотим поделиться знаниями и опытом, и после вы распорядитесь судьбой самостоятельно. Однако магия – ценный ресурс, и, конечно, он нам нужен, поэтому мы надеемся, что вы согласились на наше предложение. Но если кто-то не захочет такой судьбы, мы предоставим работу на фабриках, в полях или среди ремесленников. Да, ответов вам пока дали немного, но разве этого достаточно, чтобы сделать нас врагами?

– Если мы смогли оказаться здесь, неужели мы не можем вернуться? – Андрей все не терял надежды и смотрел на афенора жалобным взглядом, словно считал, что сможет вымолить право вернуться.

Кристоге качнул головой.

– Как я уже сказал, нам такой способ неизвестен.

С тяжелым вздохом Андрей отставил от себя тарелку и снова схватился за часы.

– А обещанное испытание, раскрывающее магию, что это? Что здесь с магией, какая она? – Вадим не терял запала, казалось, одна мысль о магии придает ему сил.

Отложив вилку и нож, Кристоге начал:

– Мир пронзают нити магии, как мы их называем. Касания к ним дают результат, однако просто касаний недостаточно – необходимо выучить систему жестов. Магия не универсальна, у каждого своя способность, хотя границы между ними порой стираются. Например, сила света близка к огню. Вас окружают нити, и их количество указывает на потенциал. Возможно, в вашем мире их не было, но они появились здесь, и закон магии таков, что ее нужно использовать, иначе за невнимание она будет брать плату болью.

Олег прикрыл глаза рукой:

– Это иррационально. Такой мир не поддается законам физики.

На этот раз зарябила ваза на столе, а узор из линии, поднимающейся от основания к горлышку по спирали, превратился в точки. Пока Кристоге отвечал, Марк сидел с закрытыми глазами.

– Почему? Магия работает на молекулярном уровне. Скажем так, каждый маг носит с собой определенный запас молекул и может выстраивать их в нужной ему последовательности. Вы прочтете наши исследования природы магии, если захотите.

– Расскажите про испытание, – попросил Марк.

Кристоге смотрел на него чуть дольше, чем следовало, но недостаточно, чтобы перейти в разглядывание.

– Как правило, магия проявляется в юном возрасте, если же нити есть, но она молчит, как у вас, необходимо дать ей выход. Для этого мы используем, скажем так, настой растения, который стимулирует часть организма, отвечающую за рост нитей. Я знаю, о чем вы хотите спросить: дать магии выход необходимо, так как, накапливаясь, она будет вызывать чувство тяжести и боль.

– Я не хочу быть подопытным, – Олег убрал очки в нагрудный карман. – Работа учителем физики – это и так постоянная боль и чувство тяжести. Мне не нужна магия.

– Мне тоже, – Алена поддержала его. – Я работала медсестрой, возможно, я смогу помогать в больнице? Я готова, правда! Пока мы не найдем способ вернуться, – открывшись, девушка положила руки на стол.

Кристоге откинулся на спинку кресла и с толикой пренебрежения, хоть лицо и не покидала улыбка, ответил:

– Мы благодарны за ваше стремление, однако я вынужден повторить: это необходимость. И вы, и мы будем принимать решения позднее, пока же я скажу: осталось немного. Магия скоро явит себя.

– Что? – Алена растерялась. – Как это?

Коснувшись рукой бокала, Кристоге повторил:

– Это необходимость.

– Настой? В вине? – медленно, чуть ли не по буквам про-

изнес Олег, и вслед за этим столь же медленно, почти карикатурно, лицо превратилось в злобную гримасу. Ничего уже не осталось от его профессорской сдержанности, и даже руки задрожали, и он бросил вилку на тарелку.

Аристократ кивнул. «Не стоит брать из чужих рук» – этой простой истине учили детей, но люди о ней легко забыли, купившись на уют, на видимое гостеприимство. Не ждал никто согласия – все, и правда, выбрали за них.

Хотелось воскликнуть: «Я же говорил», но Марк промолчал, осматривая собравшихся. Кроме усталости и раздражения, в них не было ничего, что могло указывать на действие настоя.

Вадим вскочил от нетерпения:

– Что нужно делать?

Смерив его взглядом без капли одобрения или уважения, Кристоге произнес:

– Если с ужином кончено, вам стоит разойтись, чтобы не навредить друг другу. Настоятельно рекомендую не укрываться в своей комнате, а выйти в сад. Первая магия многое дает, но и многое берет. Мы присмотрим за вами, однако и от вас требуются контроль и самодисциплина.

Даже у Вадима поубавилось прыти, он снова сел. Гости переглядывались: Марк постукивал пальцами по столу, Алена опять скрестила руки, тихонько так, жалобно вздыхал Андрей, Олег сцепил ладони перед собой и единственным смотрел не на людей, а на аристократа.

– Так что нам делать? – уже тише повторил Вадим.

Кристогге пожал плечами в ответ:

– Одно я могу сказать точно: не бойтесь нитей магии – коснитесь их. Пока у вас нет теоретических знаний, поэтому сказать иначе я не могу. Доверьтесь чувствам и помните, этот мир – не враг вам.

«Мир – да, а ты?» – оставив вопрос при себе, Марк первым вышел в сад. На улицу опустились приятные сумерки, более мягкие из-за подсвеченного купола. Вокруг никого не было, и стояла благостная тишина.

Он направился вдоль дома, посматривая на окна. С тихим звоном хлопнула сдвинутая ветром дверь, Марк обернулся на звук – с ней что-то происходило. Поверхность перестала быть цельной, она состояла из крошечных, движущихся точек. Амплитуда измерялась в миллиметрах, если не меньше, но Марк видел ее с такой же отчетливостью, как бег облаков.

Повернувшись, он уставился в землю. Контуры травы тоже распадались – гладкая поверхность превратилась в подрагивающие точки. Все вокруг, весь мир уже состоял из них, они двигались, и картина сделалась нечеткой, как у рябящего телевизора. Деревья, цветы, дверь, дом, вода в фонтанах – точки, точки, точки.

В их движении угадывалось что-то общее, оно казалось упорядоченным и подчиненным одному закону. Марк опустился на колени перед фонтаном и почти уткнулся носом в каменную чашу. Между точками виднелись зазоры, но они

все равно тянулись друг к другу, как намагниченные, и образовывали целые фигуры, а те – что-то большее, и так дальше и дальше, пока не становились единым слоем. Марк провел рукой по поверхности. На первый взгляд чаша фонтана казалась идеально ровной, но он чувствовал малейшую шероховатость, а вглядываясь в эти места, видел целые пропасти между точками.

Раздался легкий звон, точно дернули струну. Подняв взгляд, Марк увидел золотую паутину. Она опутывала подобно кокону, налипала на тело, жгла. Он дернулся, пытаясь убрать ее с себя, вскочил, и со всех сторон по телу точно прошли огненными хлыстами.

Марк дергался еще сильнее, хватал паутину, но руки останавливались на секунду, натолкнувшись на преграду, и проходили сквозь нее. От прикосновений тугие, плотные нити переставали жечь и отзывались теплом. Марк позволил себе выдохнуть, опустил руки, шагнул вперед – кокон распался на отдельные паутинки, протянувшиеся через воздух подобно канатам. Еще один шаг, и мир пришел в порядок. Дом, темнеющая аллея с мраморными изваяниями птиц, каменная лестница, фонтан – все стало четким, твердым, незабываемым, однако стоило начать вглядываться, поверхность опять распадалась на точки.

Тихонько звеня от напряжения, нити напоминали струны – а клавиши, клавиши-то где? Марк осторожно протянул правую руку. Тепло в пальцах усилилось. Так вот они, эти

нити магии?

Не было никаких клавиш, ни черных, ни белых, ни одной из восьмидесяти восьми, да и диапазон простирался не от субконтроктавы и до пятой октавы, а затрагивал весь мир. Черт возьми, как же он хотел забыть, как его в детстве приковали к пианино и провезли по городам, заставляя выступать. Не спрашивали тогда – не спросили и сейчас.

Что же. Видимо, звук появится не после удара молоточком. Марк провел рукой снизу вверх, сложив два пальца так, как если бы зажимал медиатор. Перед ним была дверь в столовую: она превратилась в скопище точек, точно подхваченные волной, они разошлись по двум сторонам, на стекле появилась трещина, и оно обрушилось на землю осколками.

Марк опустил руки и снова поднял, уставившись на них. Золотые линии изменили положение: теперь это были не натянутые струны, а просто нити, которые огибали контуры тела, не касаясь его, и в столь же хаотичном порядке расположились повсюду, как небрежно брошенный и распутавшийся клубок.

Марк не понимал своих сил и, тем более, не понимал их предела. Мыслей была гора – шаткая куча, и едва задев ее, он оказался погребен под ней. С афенором хотелось поговорить, слишком о многом.

Пройдя опустевшую столовую, Марк быстрым шагом двинулся по коридору. Если за людьми и обещали следить, не осталось никого, точно все в особняке вымерли или зата-

ились, предоставив гостям разбираться с магией самостоятельно.

В коридоре взгляд уцепился за зеркало: волосы включены, зрачки расширены – затем даже собственное отражение распалось на точки. Марк миновал его и вышел к парадной лестнице.

Здесь было тихо, мягким янтарным светом горели лампы. Со второго этажа спускалась девушка. Сначала он заметил платье с длинным разрезом, которое прекрасно оголяло ноги при каждом шаге. Затем – сколько золотых нитей вокруг нее и в последнюю очередь – маленькие, загнутые назад рожки, как у серны или, может, газели, и коричнево-бежевую чешую на запястьях и шее.

Незнакомка кинулась навстречу первой. Марк поднял руки, но вот уже она сжала его за горло сильным, неженским движением, ладонь начала покрываться чешуей. Он попытался перехватить ее запястья, но девушка легко, как игрушку, потянула Марка в сторону и ударила головой о перила.

Очнулся он уже в своей комнате и понял, что семь дней дороги ничто по сравнению с неделями боли. Первая магия действительно многое брала, а дала только крупички.